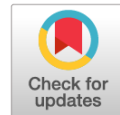

Устойчивость политических систем в условиях развивающегося мирового кризиса

Якунин В.И.,

доктор политических наук,
заведующий кафедрой государственной политики факультета политологии
Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова,
и.о. президента Российского общества политологов

Сегодня в мире развернулась широкая научная дискуссия об адекватности модели, используемой для описания процессов тектонических изменений в современной глобальной политике, экономике и обществе, экспертным сообществом осуществляется поиск новых моделей, которые обладали бы не только дескриптивным, но и прогностическим потенциалом. Пожалуй, наиболее острой проблемой современности ученые называют фактор несправедливости и неравенства, а также наличие глубочайшего финансово-экономического кризиса, перешедшего, по оценке ведущих мировых специалистов, в фазу системного кризиса.

Современный мировой кризис часто рассматривают, прежде всего, с точки зрения экономики. Именно кризисные явления в экономической сфере наиболее очевидны, ощутимы для государства, бизнеса и рядовых граждан. Собственно о кризисе, поразившем человечество в конце XX в., стали в полный голос говорить лишь в 2008–2009 гг., после того как мировая экономика сорвалась в рецессию. Между тем научное осмысление этого явления требует более детального анализа. На Мировом общественном форуме «Диалог цивилизаций» участники прогнозировали наступление острой фазы глобального кризиса задолго до событий 2008 г. на Уолл-стрит, и затем — 7 лет назад — первыми квалифицировали его как системный. При этом, *под системой мы подразумеваем всю архитектуру глобального международного устройства, состоящую из множества подсистем, будь то локальные и региональные политические объединения, суверенные государства, развивающиеся или развитые демократии.* Природу этой системы определяют сегодня по-разному: Ноам Хомский обозначает ее как американскую глобальную империалистическую систему¹, другие — как систему американского глобального доминирования², третьи продвигают представление о ней как об арене борьбы за мировое

экономическое превосходство, опуская политические аспекты³.

Мы исходим из следующего посыла: сегодня вся политическая система, пирамида перевернута «с ног на голову», экономика здесь больше не лежит в основе всего и не является гарантом политической устойчивости, а именно идеологизированная политика господствует над экономикой. Другой важнейшей чертой кризиса является доминирующее влияние внешнеполитических и глобалистских факторов, которые оказывают радикальное воздействие на устойчивость политических систем. Это то, чего не было еще лет 30 назад. В результате часто меняется сама логика внутривнутриполитического развития. Отказ учитывать такие факторы, как цивилизационная идентичность, межцивилизационные различия, чреват ростом общей политической неустойчивости. Иллюстрация этого тезиса в реальности разворачивается на наших глазах. В результате провала политики мультикультурализма сотрясаются фундаментальные основы внутривнутриполитической стабильности в Европе. Рост популярности крайне правых политических движений, формирование вооруженных отрядов защиты в Германии, фактический запрет выносить проблематику межэтнических столкновений в публичное поле — все это в высшей степени показательные явления.

¹ См.: Chomsky N. Electing the President of An Empire. URL: <http://www.alternet.org/news-amp-politics/noam-chomsky-electing-president-empire>

² См.: Roberts P.C. Why WWII Is on the Horizon. URL: <http://wpfdc.org/blog/politics/19617-why-wwii-is-on-the-horizon>

³ См.: Harding S. China Is Winning The Economic War. URL: <http://www.forbes.com/sites/greatspeculations/2010/08/13/china-is-winning-the-economic-war/#785d596d148c>

На наших глазах политический догматизм вступает в противоречие не только с экономическими, но и с естественно-природными законами. А экономическая рецессия влечет за собой возникновение, помимо всего прочего, общей политической неустойчивости: сам факт существования этого порочного круга пока мало кем осмыслен.

Общая характеристика текущего кризиса политических систем

Лишь в начале XXI в. мы осознали ключевой факт: ялтинско-потсдамская система, существовавшая в мире после Второй мировой войны до 1991 г., отличалась большой гибкостью и устойчивостью.

Она обеспечивала приемлемый статус-кво не только в сфере мировой политики. Стабильно функционировали внутривнутриполитические механизмы в большинстве стран мира, основанная на реальном производстве экономика развивалась последовательно, хотя и не одинаково быстрыми темпами. Устойчивость — синоним баланса.

Именно глобальный баланс сил обеспечивал мировую политическую устойчивость. Те, кто поддержал его демонтаж в надежде обрести безусловное превосходство и уничтожить всякое противодействие, серьезно просчитались под влиянием иллюзии обретения собственной непоколебимой стабильности. Нынешняя ситуация в мировой политике ярко контрастирует с теми ожиданиями, которые испытывали победители в холодной войне после 1991 г.

После распада СССР и краха «реального социализма» в 1991 г. мировая политическая стабильность казалась прочно обеспеченной. Ф. Фукуяма, в 1990 г. провозгласивший «конец истории», констатировал «универсализацию либеральной демократии Запада как окончательной формы управления в человеческом обществе»⁴. С.Ф. Хантингтон выделил феномен «третьей волны демократизации» — массового возникновения демократических режимов западного типа в странах Европы, Азии, Африки и Латинской Америки. Демонтаж систем советского типа, некоторых автократий, военных диктатур, действительно шел по всему миру. На их месте возникали политические режимы, созданные по западным лекалам.

Победа Запада казалась полностью закономерной, в некотором смысле «технически» предопределенной. Лучшая организация экономики, налаженное функционирование политических систем, эффективный контроль над умами, на базе достижений 5 технологического уклада, как считалось, гарантировали ее. Инерция этого мышления оказалась очень сильной.

Восторжествовал новый технократизм — проектный подход к разрешению политических и социальных конфликтов. Перенесенная в своем исходном виде в политику из сферы военной аналитики времен холодной войны теория игр гласила, что человек — это эгоистическая рациональная машина, стремящаяся к достижению лишь собственного блага. Принятый на веру, этот тезис дал пышные всходы в виде всплеска моды на технократичность, формализованность, утилитаризм⁵.

Современная техника создавала для всего этого благоприятную почву: научно-техническое развитие и, прежде всего, IT (Information Technology), AI (Artificial intelligence) должны были исключить человека-индивидуума и общество как их совокупность из алгоритмов выработки политических решений. Считалось, что это «программирование» служит «общему благу».

Политическая система в самих странах Запада на волне победного торжества, казалось, консолидировалась. В США и Великобритании закрепился неолиберальный консенсус, основные положения которого приняли обе доминирующие партии двух государств: демократы и республиканцы в США, лейбористы и консерваторы в Великобритании.

В 1990-е гг. не было понимания того, что именно это фактическое выхолащивание политического поля, распространение неолиберального консенсуса чревато серьезными угрозами для стабильности государств Запада. Глобализация по-американски, превращение Вашингтона в единственный мировой центр силы принесли с собой не большую безопасность и стабильность, а хаос и распад общественно-политических структур.

Базовой опорой западной демократии исторически являлось формирование двухпартийной политической системы, основанной на конкуренции двух основных партий — либеральной (условно — правой) и социал-демократической (условно — левой). Их программы выражали интересы двух примерно равновеликих общественных групп — собственников и наемных работников, что позволяло сбалансировать социально-экономические и политические интересы в рамках страны. При этом само существование советской системы и коммунистических партий, как и ее представителей на Западе, играло роль дополнительного консолидирующего фактора: основные буржуазные партии при всех своих разногласиях действовали солидарно перед лицом того, что считали общей угрозой. Возникновение глобальной экономики, распространение на Западе так называемой постиндустриальной модели

⁴ Фукуяма Ф. Конец истории? // Вопросы философии. 1990. № 3. С. 85.

⁵ О социальном конструктивизме см.: Nicholas Onuf on the Evolution of Social Constructivism, Turns in IR, and a Discipline of Our Making. URL: <http://www.isn.ethz.ch/Digital-Library/Articles/Detail?lng=en&id=195339>

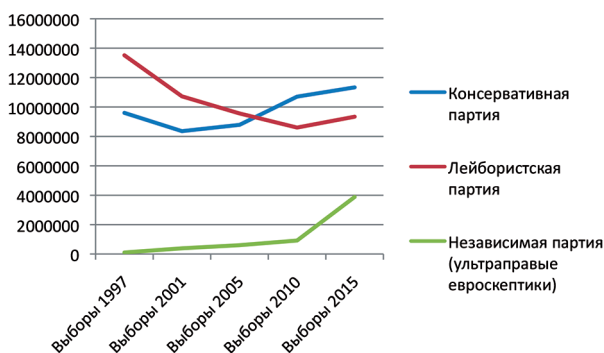
развития, деиндустриализация подточили социальный фундамент политической стабильности. Западный средний класс (мелкий бизнес, служащие госсектора, высококвалифицированные промышленные рабочие), который на протяжении всего послевоенного периода являлся стеновым хребтом либерально-демократической системы, стал быстрыми темпами распадаться⁶.

Практически беспрецедентный уровень личной экономической незащищенности работающих людей в постиндустриальной экономике является серьезным политическим фактором⁷.

Ту же роль играет и общая нестабильность экономики, в которой лидирующие позиции захватил финансово-спекулятивный капитал. В отличие от хозяйства, базирующегося на отраслях «реального сектора», то есть материального производства, она чрезвычайно подвержена резким спадам, которые происходят неожиданно и практически моментально, что создает для широких масс населения целый комплекс проблем. Последствия этой ситуации начали проявляться уже в начале 2000-х гг. Тревожным симптомом стало падение популярности и стагнация старых системных партий и параллельный рост новых «нетрадиционных» (назовем их так) политических сил. Цифры говорят сами за себя. В Великобритании консенсус между консерваторами и лейбористами начали подтачивать евроскептики (см. *график 1*).

График 1

**Динамика
электоральной поддержки основных
политических партий Великобритании
(количество полученных голосов
на национальных выборах)**

Источник: The Home Office

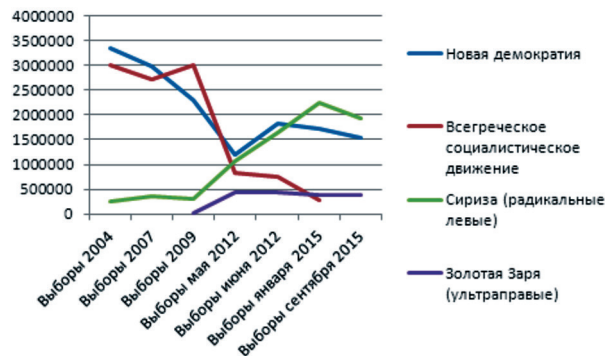
В тех странах Европы, где политическая система была менее устойчивой, этот процесс шел еще быстрее (см. *график 2*).

⁶ См.: Luttwak E. Why Fascism is the Wave of the Future. URL: <http://www.lrb.co.uk/v16/n07/edward-luttwak/why-fascism-is-the-wave-of-the-future>

⁷ См.: Якунин В.И. и др. Постиндустриализм. Опыт критического анализа. М.: Науч. эксперт, 2012.

График 2

**Динамика
электоральной поддержки основных
политических партий Греции
(количество полученных голосов
на национальных выборах)**

Источник: Ministry of Interior of Greece

Речь идет лишь о нескольких примерах тех кризисных явлений, которые поразили политические системы европейских государств. К сегодняшнему дню они лишь усилились. Результаты последних выборов и опросов общественного мнения показывают беспрецедентный рост популярности непарламентских, крайне левых и крайне правых, а то и ультраправых, смыкающихся с фашистской идеологией партий. В Испании — 20,7 % голосов за партию «Подemos» на парламентских выборах 2015 г., в Италии — 28 % респондентов, готовых проголосовать за антиглобалистов и евроскептиков из «Движения пяти звезд», и 15,5 % поддержки у правых евроскептиков из «Лиги Севера», в Германии — 11,5 % сторонников партии евроскептиков «Альтернатива для Германии»⁸.

Правящим элитам не остается ничего другого, кроме как прибегнуть к бюрократическим уловкам. Почти везде на Западе избирательная система давно отлажена таким образом, чтобы купировать любые непрогнозируемые колебания электоральной стихии.

Особая нарезка избирательных округов, наличие второго тура, практика создания блоков, не говоря уже о факторе СМИ, позволяют поставить искусственные, но на данный момент достаточно прочные барьеры на пути несистемных сил к власти. Последним наиболее ярким примером использования этих технологий являются региональные выборы, прошедшие во Франции в декабре 2015 г. Национальный фронт, выигравший в первом туре выборов в большинстве регионов и набравший 6 млн голосов, во втором туре не достиг победы ни в одном округе Франции. Хотя и эта система иногда дает осечки. Вспомним выборы в Греции или Италии, например.

⁸ INSA&Yougov/Bild. 11.01.2016. URL: <http://www.wahlrecht.de/umfragen/insa.htm>

Фактически эта модель уже имеет мало общего с самой либеральной демократией. Тенденцию на американском материале хорошо описал Н. Хомский. Комментируя результаты президентских выборов 2004 г., он отметил важную вещь: лишь меньшинство из тех, кто пришел на избирательные участки, признавали, что голосуют за конкретную программу конкретного кандидата. Более того, ряд ключевых внутренних проблем, волнующих американцев, вообще не нашел отражения в платформах кандидатов на высший пост, например, проблема системы медицинского страхования. Вывод Хомского звучит предельно конкретно: «Американцев могут поощрять к участию в выборах, но не к настоящему вовлечению в политику. В сущности, выборы являются методом маргинализации населения»⁹. Наиболее дальновидные представители западных политических элит уже ведут речь о том, что либерально-демократическая модель дает сбой. По словам Жака Аттали, перемены становятся жизненно необходимыми, «пока кризис не углубился настолько, что никто не сможет доверять рынку, а демократия будет не в силах справиться с „големом“, которого сама и создала»¹⁰.

Исчезновение Советского Союза в качестве одного из столпов мирового порядка в долгосрочной перспективе привело к резкому ослаблению европейских государств. Особые отношения с Советским Союзом на европейском континенте создавали условия для превращения европейских стран из послевоенных объектов международной политики в ее субъекты. Распад СССР лишил европейцев важной опоры. Он дал Соединенным Штатам возможность объявить себя мировым арбитром, главным носителем единственно верного набора ценностей, который, как в декабре 1991 г. прямо сказал президент США, стал залогом решающей победы Запада над коммунизмом¹¹. Эта ситуация нанесла мощный удар по легитимности европейских политических систем. Если в 1990-е гг. старый ресурс еще сохранялся, и его хватало даже на такие самостоятельные акции, как коллективное выступление европейцев (Ж. Ширака, С. Берлускони, Г. Шредера) против американской операции в Ираке в 2003 г., то впоследствии он практически полностью иссяк.

Характерно, что утрата легитимности европейскими государствами сопровождается наиболее масштабным за последние десятилетия ростом антиамериканизма. В 2012 г. 69 % французов отмечали пренебрежение Соединенных Штатов национальными интересами Франции¹². Два года

спустя проведенный в Германии опрос показал, что 57 % немцев хотят большей независимости от США в сфере дипломатии и безопасности¹³. Подобное явление характерно для таких стран, как Франция, где идея «величия нации» являлась одним из фундаментов государственности.

Знаменитая триада де Голля «величие Франции, сильная президентская власть, консенсус между трудом и капиталом» легла в основу современной политической системы Франции¹⁴. Отход от нее, в явном виде состоявшийся в начале 2007 г. и оформленный возвращением страны в военную организацию НАТО в 2009 г., совпал с углублением политической нестабильности и эрозией массовой поддержки существующей власти.

Формирование однополярной системы, безудержная эксцивилизационная глобализация, распространение финансово-олигархической модели капитализма, политика сначала сдерживания, а затем подавления России стали основными причинами глубокого политического кризиса в Европе, беспрецедентного по своим масштабам. Однако едва ли не в большей степени от попыток навязать миру унифицированный жизненный уклад и систему управления пострадал большой Незапад. Попытка реализовать идею о том, что любой цивилизации можно «предписать» наилучший для нее вектор развития, просчитать все его перспективы и издержки, а возможные нештатные моменты вовремя купировать, в полной мере проявилась на Ближнем Востоке. Политическую нестабильность в этом регионе решили направить в «правильное» русло путем «встречного взрыва» (использую технический термин). Западные стратеги-технократы почитали, что реально накопившееся в этих странах социально-политическое напряжение можно использовать для инициации политических взрывов, которые могут быть организованы с использованием проамериканских элементов, а затем ситуации будут взяты под контроль, и они сумеют потушить конфликт, не позволяя ему стихийно вырваться на мировую арену, смогут контролировать процесс. Оказалось, что недооценка влияния так называемого человеческого фактора привела к тому, что Аль-Каида и ISIS вышли из-под контроля.

Современные политические системы и их роль в международных отношениях в контексте развивающегося кризиса

Ближний Восток — лишь один из примеров эрозии политических систем под влиянием кризиса. Кризис волнообразно захватывает один регион

⁹ Chomsky N. The Disconnect in US Democracy. URL: <https://chomsky.info/20041029/>

¹⁰ Аттали Ж. Мировой экономический кризис. Что дальше? СПб.: Питер, 2009. С. 87.

¹¹ См.: Text of Bush's Address to Nation on Gorbachev's Resignation. URL: <http://www.nytimes.com/1991/12/26/world/end-soviet-union-text-bush-s-address-nation-gorbachev-s-resignation.html>

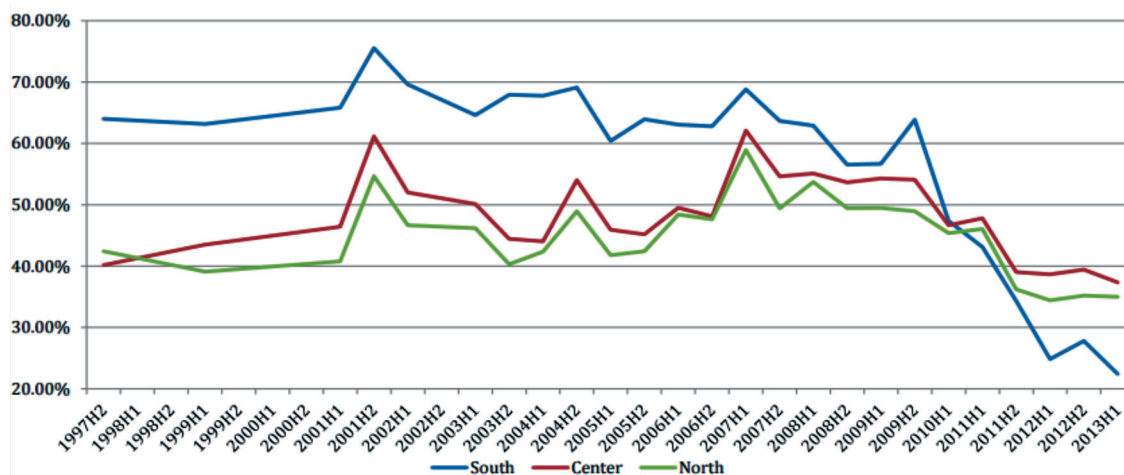
¹² Ce que pensent les Français de l'Amérique en 2012. URL:

http://www.france-amerique.com/articles/2012/06/22/ce_que_pensent_les_francais_de_l_amerique_en_2012.html

¹³ Umfrage: Die Deutschen wollen sich von den USA emanzipieren. URL: <http://www.welt.de/politik/ausland/article132095894/Die-Deutschen-wollen-sich-von-den-USA-emanzipieren.html>

¹⁴ См. подробнее: Berstein S. La France de l'expansion. T. 1: La République gaullienne (1958–1969). Paris: Seuil, 1989.

Эволюция доверия населения стран ЕС единым европейским институтам

Источник: Eurobarometer surveys

мира за другим. Однако одной из первых его жертв стал Европейский союз. Цивилизационная составляющая евроинтеграции неоднократно акцентировалась на высшем уровне: Европа — это не придаток англосаксонского мира, а самостоятельное политическое и культурное пространство. Де Голль, вероятно, один из наиболее ярких европейских политиков за всю историю, не случайно выступал против приема Великобритании в Европейское экономическое сообщество. Он справедливо опасался того, что Лондон станет своего рода «троянским конем» США. В то же время он последовательно выступал за развитие отношений с Советским Союзом. Генерал мыслил стратегически. Его идея единой Европы от Атлантики до Урала была частью комплексной картины мира без идеологических противостояний и танковых армий в центре континента.

Современный же проект евроинтеграции, похоже, не выдерживает испытания глобализацией в условиях однополярного мира. Можно утверждать, что изначально ЕС не проектировался исходя из предположения, что глобализация будет развиваться в направлении однополярного мира с одним геополитическим актором, претендующим на мировое господство, унифицирующим «под себя» экономическое и культурное пространство других стран и народов. Тот факт, что в последние десятилетия евробюрократия в Брюсселе, вопреки сопротивлению ряда членов ЕС, переняла эту логику развития, инициировала волнообразную экспансию своих институтов, отбросила в сторону факт наличия на своей периферии самостоятельных цивилизационных образований, с которыми объективно требовалось выстраивать равноправный диалог, во многом объясняет его нынешние трудности. В этом свете закономерным, однако, неожиданным для европейских элит процессом стал резкий рост евроскептицизма (см. график 3).

Идея формирования единых политических и финансовых институтов Европы столкнулась с нежеланием европейцев голосовать за новую бюрократию, которая во имя реализации глобалистских идей фактически лишала крупнейшие страны ЕС серьезной части их государственного суверенитета. Однако и здесь демократические принципы оказались принесены в жертву. Лиссабонский договор 2007 г. учредил единые европейские политические институты в обход демократической процедуры. Тот факт, что в последние годы именно европейская бюрократия берет на себя ответственность за все непопулярные меры, начиная от политики жесткой экономии и курса в греческом вопросе и заканчивая приемом миллионов беженцев, фактически делегитимирует систему ЕС — в кризисной ситуации ей не хватает легитимности.

Об этом говорит Н. Хомский: «В Европе, вне зависимости от того, какое правительство приходит к власти, осуществляют одну и ту же политику. Причиной этого является то, что правительства не играют никакой роли в определении этой политики. Политику определяют бюрократы в Брюсселе и в Бундесбанке. Что считают люди — не имеет значения»¹⁵. Еще в 2014 г. Н. Хомский предупреждал о том, что любая попытка решить греческий вопрос через проведение референдума — непосредственную демократическую процедуру — обречена на неудачу ввиду заведомого сопротивления Брюсселя. События 2015 г. подтвердили его правоту. Июльский референдум в Греции завершился с очевидным результатом, однако его фактически проигнорировали при том, что сам факт проведения пле-

¹⁵ Noam Chomsky on EU's democracy deficit (22.05.2014. Dunham University, England). URL: <https://www.youtube.com/watch?v=fPbXWB0X1UQ>

бисцита вызвал принципиальные возражения со стороны евробюрократии.

Последствия этого крупнейшего за всю историю ЕС обвала легитимности единых институтов могут быть самыми разрушительными. Кроме того, для европейцев важно еще одно обстоятельство, отмеченное И. Валлерстайном: «Среди американских политиков наблюдается смешанное чувство беспокойства и радости по поводу тех проблем, которые переживает Европа <...> Европа и Соединенные Штаты балансируют на своего рода качелях: когда один идет вверх, другой опускается вниз. Как эта ситуация будет развиваться в течение следующих двух-пяти лет, совершенно не ясно»¹⁶. В 2016 г., шесть лет спустя после прогноза Валлерстайна, мы можем внести ясность в этот вопрос. Греция и Бельгия оказались далеко не последними источниками проблем для политической системы единой Европы.

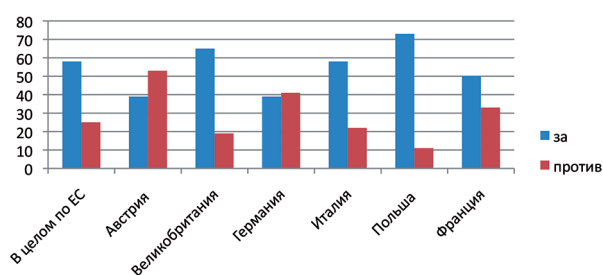
Кризис с беженцами в 2015 г.кратно усилил те тенденции, о существовании которых писал Валлерстайн в 2010 г. Уже дало трещину Шенгенское соглашение: 18.01.2015 г. Австрия объявила о введении контроля на своих границах. Уровень доверия к правительству А. Меркель в Германии упал до рекордно низкого уровня¹⁷. Ряды правительственной коалиции серьезно ослаблены: политику канцлера в отношении беженцев критикуют даже ее ближайшие соратники.

Политической слабостью Европы стремятся воспользоваться США. Проект соглашения о трансатлантической зоне свободной торговли по замыслу его авторов должен навсегда привязать Европу к Соединенным Штатам и подчинить им, лишив ее шансов на будущее политическое самоопределение, а тем более на возможную глубокую кооперацию и сотрудничество с Россией. Здесь нет никакой идеологии — только интересы крупнейших американских транснациональных корпораций. Ведь при таком сценарии этот экономический союз объединил бы человеческие ресурсы в объеме более 500 млн человек и создал реального мирового экономического конкурента США. В сочетании с сохраняющейся и расширяющейся инфраструктурой НАТО эта мера, действительно, может оказаться эффективной. Европейское общественное мнение отдает себе отчет в существовании подобной перспективы, и его отношение к предложениям Вашингтона далеко не однозначно (см. *график 4*).

¹⁶ Wallerstein I. Is Europe Imploding? URL: <http://iwallerstein.com/is-europe-imploding/>

¹⁷ German poll puts Merkel's conservatives down 2.5 points. URL: <http://www.reuters.com/article/us-germany-merkel-poll-idUSKCN0UX0M7>

График 4
Поддерживаете ли Вы подписание соглашения о свободной торговле между ЕС и США?, в %

Источник: Eurobarometer surveys, 2015

Фактически Европа оказалась в ловушке: отсутствие общей политической воли компенсируется внешним давлением, которое объявляется единственно возможной формой обеспечения безопасности и стабильности в европейском регионе. Военно-политическое «безволие» Европы в полной мере проявилось в ходе украинского кризиса. Под давлением Вашингтона и его сателлитов в Центральной и Восточной Европе ЕС наложил на Россию так называемые экономические санкции с целью вынудить Москву изменить свою политику в отношении нового политического режима на Украине. Негативный эффект от этих мер очевиден для всех сторон, однако радикальные решения при этом не принимаются. Любая уступка Москве и даже намерение понять ее позицию считается проявлением слабости, что в реальности лишь усиливает конфронтацию¹⁸.

В то же время Соединенные Штаты также испытывают серьезные проблемы. У них есть свои слабые места: если у европейцев речь идет о структурных недоработках интеграционного проекта, то в случае с США угроза исходит со стороны созданной олигархической верхушкой глобальной финансовой системы, основанной на долларе. С одной стороны, на протяжении последних десятилетий она служила эффективным инструментом поддержания мирового господства и до сих пор выглядит прочной. 2/3 мировых финансовых потоков контролируется банками США и Великобритании. При этом англосаксонские финансовые структуры владеют значительной долей корпоративных активов планеты. В 2011 г. под эгидой Евросоюза и Швейцарского федерального технологического института в Цюрихе было проведено исследование «Сеть глобального корпоративного контроля».

Его авторы проанализировали структуру собственности 43 тыс. транснациональных корпораций и выделили спецгруппу, состоящую из

¹⁸ См.: Саква Р. Новый атлантизм // Россия в глобальной политике. 2015. № 5. URL: <http://www.globalaffairs.ru/number/Novyi-atlantizm-17753>

147 тесно связанных финансовых институтов, которые контролируют 40 % остальных ТНК мира через владение их акциями. При этом из 50 с наивысшим глобальным контролем 24 компании — американские и 8 — британские, а возглавила весь список Barclays plc, признанная экспертами мощнейшей финансовой группой мира¹⁹.

Таким образом, особенность современной глобальной финансовой системы заключается в том, что контроль над ней осуществляется преимущественно крупнейшими транснациональными и международными банками, а также финансовыми конгломератами. Это обстоятельство — результат финансовой глобализации, осуществляемой под эгидой Соединенных Штатов. США активно используют финансово-экономические инструменты во внешней политике с целью ослабления новых центров силы, способных в перспективе бросить вызов доминированию Запада. Возникает новая форма глобального противостояния и важная составляющая гибридной войны — финансово-экономическая война. В качестве оружия в ней используются институты, возникшие в рамках глобализации, позиционировавшиеся как «общее достояние» человечества, но на поверку оказавшиеся каналами осуществления политики конкретных государств. Введенные против России санкции — один из наиболее характерных эпизодов финансово-экономической войны²⁰.

Типичным ее примером может служить финансовая и экономическая политика Запада в отношении Ирана. Данный случай наглядно описывает Джеймс Рикардс: «В феврале 2012 г. США закрыл Ирану доступ к платежным системам, использующим американский доллар и контролируемым ФРС и Казначейством США <...> В марте 2012 г. США потребовали от SWIFT запретить Ирану пользоваться платежной системой. Ирану было официально запрещено осуществлять валютные операции с реципиентами из остальных государств мира. Соединенные Штаты не скрывали своих истинных целей в этой финансовой войне с Ираном. 6 июня 2013 г. официальный представитель Казначейства США Дэвид Коэн заявил, что цель американских санкций заключалась в том, чтобы девальвировать риал и сделать его непригодным для использования в международной торговле»²¹.

С другой стороны, стабильности глобальной финансовой системы, обслуживающей интересы США, угрожают ее структурные недостатки.

Суть этого противоречия хорошо описал тот же Рикардс: «Ключевой проблемой мировой финансовой системы сегодня являются не деньги, а долг. Производство денег используется как инструмент оттягивания дефолта по кредиту. В 2005 г. Соединенные Штаты, которыми управляют ослепленные собственным интересом и утратившие осторожность банкиры, отравили мировую экономику через ипотечное кредитование и открытие кредитных линий для тех, кто заведомо не мог расплатиться <...> Эмитированная таким образом денежная масса из триллионов долларов оказалась неуправляемой»²². Результатом стал финансовый кризис 2008–2009 гг. Структурные проблемы и сейчас дают о себе знать, вне зависимости от официальных деклараций.

Американцы быстро беднеют, и это уже трудно скрывать²³. Статистика демонстрирует это со всей наглядностью: в общем объеме произведенных в США товаров и услуг доля заработной платы упала до исторического минимума (см. график 5 на с. 28). По оценке американских же экспертов, уровень благосостояния американского среднего класса откатился к уровню 1958 г.

С возникающей по этой причине нестабильностью США не могут справиться. В качестве одного из способов «списания» накапливающегося долга рассматривается экспорт напряженности вовне и искусственное разжигание вооруженных конфликтов по всему миру. Для идеологического обоснования этого курса изобретаются пропагандистские паллиативы, которые должны прийти на смену явно утратившему актуальность, но по сути своей до сих пор привлекательному лозунгу борьбы с «красной угрозой». Призывы к борьбе против «стран-изгоев», «международного терроризма», «российской агрессии» и т.п. следует рассматривать именно с этой точки зрения. Под знаком идеи распространения демократических институтов США поддерживают «цветные» революции по всему миру. Ближний Восток, Африка, Украина за последние годы стали ареной для нового американского экспансионизма.

Нынешняя политика Вашингтона дала Н. Хомскому основание для того, чтобы назвать США «главным мировым террористом»²⁴. Оборонные расходы США в 2014 г. достигли цифры в 610 млрд долларов и превышают оборонные расходы всех стран вместе взятых. Однако ни мощнейшая ар-

¹⁹ См.: Vitali S., Glatfelder J., Battistion S. The Network of Global Corporate Control. PLoS ONE, 2011. URL: <http://arxiv.org/pdf/1107.5728.pdf>

²⁰ См.: Якунин В.И. Новая фаза глобальных трансформаций: опыт критического анализа // Вестник Московского университета. Сер. 12: Политические науки. 2015. № 1. С. 16–17.

²¹ Rickards J. The Death of Money. NY., 2014. P. 42–43.

²² Ibid. P. 196.

²³ См.: Myth of the Middle Class: Most Americans Don't Even Have \$1,000 in Savings. URL: <http://www.alternet.org/economy/myth-middle-class-most-americans-dont-even-have-1000-savings>

²⁴ Chomsky says US is world's biggest terrorist. URL: <http://www.euronews.com/2015/04/17/chomsky-says-us-is-world-s-biggest-terrorist/>

Доля заработной платы в ВВП США

Источник: University of Groningen, University of California, Davis

мия, ни доминирование в глобальных финансах не помогают США закрепить свое положение мирового гегемона.

Во-первых, политика Вашингтона из рациональной все более и более превращается в идеологизированную: будь то гуманитарные интервенции в целях продвижения западной демократии или легализации однополых браков. Во-вторых, Соединенные Штаты приняли концепцию права на одностороннее применение вооруженной силы в любое время и любом месте для защиты своих интересов вне легитимных процедур и международных институтов. В-третьих, экономическое благополучие воспитало внутри американского политического истеблишмента иллюзорную идею о способности США модернизировать и перекраивать мир в соответствии только с собственными представлениями об идеальном. Этот момент особо акцентирует Ж. Аттали: «В стране, где на протяжении двух веков было возможно абсолютно все, опьянение властью и игнорирование суровой действительности превратилось в идеологию»²⁵. Но подавляющего превосходства США в основных сферах больше нет. Теперь Вашингтон физически не способен оказывать эксклюзивное воздействие на основные международные тенденции и явления. Мы полагаем, что Соединенные Штаты сдают свои лидирующие позиции в мире. Кто-то должен заполнить сложившийся геополитический вакуум.

²⁵ Аттали Ж. Мировой экономический кризис. Что дальше? М., 2009.

По мнению многих экспертов, на эту роль может претендовать Китай. В Вашингтоне это понимают и считают «китайскую» опасность важной угрозой для себя.

Уверенно можно предполагать, что США отнюдь не безразличны к перспективе занятия Пекином первой строчки в мировой экономике, а тем более к планам Китая по созданию собственных проектов глобального экономического развития (НШП) и обслуживающих их финансовых институтов (АИБ).

Так, например, под эгидой США в октябре 2015 г. было подписано соглашение о Транстихоокеанском партнерстве (ТТП), в которое вошли такие государства, как США, Япония, Малайзия, Вьетнам, Сингапур, Бруней, Австралия, Новая Зеландия, Канада, Мексика, Чили и Перу. То, что данное соглашение направлено именно против Китая и его партнеров в Азиатско-Тихоокеанском регионе, ни у кого не вызывает сомнений. Б. Обама после заключения соглашения заявил, что правила мировой торговли должны диктоваться США²⁶. Задача-максимум для Вашингтона — не допустить ревизии сложившегося порядка. КНР к этому сотрудничеству даже не пригласили.

КНР долгое время следовала рецептам Дэн Сяопина, который делал особый акцент на необходимости для Китая проведения максимально сдержанной внешней политики. Стра-

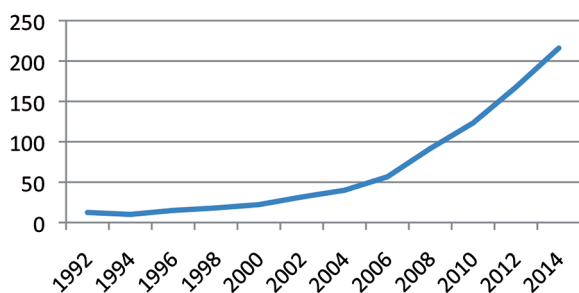
²⁶ President Obama: Writing the Rules for 21st Century Trade. 18.02.2015. URL: <https://www.whitehouse.gov/blog/2015/02/18/president-obama-writing-rules-21st-century-trade>

на успешно встроилась в глобальную экономику, приняв тем самым существующие в ней правила игры. Однако 2000-е гг. показали, что полностью воспользоваться ее преимуществами Китаю не дадут: Запад оказался не готов к тому, что его начнут обыгрывать по им же введенным правилам. К исходу 2000-х гг. Пекин был готов к участию в совместных с США и их союзниками проектах в Азиатско-Тихоокеанском регионе и к еще более тесной интеграции в мировые финансовые институты. Но здесь в дело вступила политика. Администрация Б. Обамы посчитала расширение сотрудничества с Пекином политически неприемлемым. Фактически речь шла о переходе к политике сдерживания Пекина.

Китай отвечает на это через общую смену вектора международного развития. Тихоокеанское направление меняется на азиатское, но при этом между Китаем и блоком союзников США возникает широкий пояс потенциальной и реальной напряженности.

Территориальные споры в Южно-Китайском море и с Японией — лишь первые предвестники будущих конфликтов. В центре возможного кризиса будет находиться Тайвань, а это уже чревато военной угрозой. Китайцы понимают это и быстрыми темпами наращивают оборонные расходы (см. *график б*).

График б
Динамика роста оборонных расходов КНР, в млрд. долл. США, нормированных по состоянию на 2013 г.

Источник: SIPRI

В то же время на азиатском регионе Китай пытается взять на себя роль глобального лидера посредством выдвижения масштабных проектов развития в рамках инициативы создания «Экономического пояса Шелкового пути». У КНР есть хорошие шансы преуспеть на данном направлении. Однако у нее есть ряд объективных ограничений, которые могут сыграть роль тормоза для процесса превращения Пекина в мировую силу. Китай испытывает явный дефицит политического ресурса, который выражается в трудностях с

выдвижением глобальных всеохватывающих моделей мирового устройства.

Свою роль здесь играет и традиционный отказ Пекина от активного участия в мировой политике и слабая дипломатия. Военный потенциал КНР увеличивается нарастающими темпами, однако опыт его применения также незначителен.

Китайцы предпочитают действовать медленно, делая акцент на мягком распространении сферы своего влияния за счет экономической экспансии. В современном мире, где сила вновь начинает играть важную роль, подобная политика имеет существенные минусы.

Эти проблемы в китайском глобальном проекте могла бы восполнить Россия. Уступая Китаю экономически, Москва имеет перед ним ряд преимуществ в военно-политической и дипломатической сферах. Россия исторически является мировой державой и лишь в этом качестве может существовать. Если Китай традиционно проявляет склонность к политическому изоляционизму, что в некоторой степени вредит ему в современной ситуации, то Россия, напротив, всегда была ориентирована вовне. Именно этим объясняется ее политический упадок в 1990-е гг. Идея интеграции в систему западных институтов с превращением в «новую Канаду», как в свое время выразился один из проводников проамериканского курса в российской внешней политике, обернулась общей деградацией всех сфер общественной жизни. Запад воспользовался своей победой в холодной войне и развернул мощную экспансию на Восток, стремясь раз и навсегда решить «русский вопрос». Однако эта победа в конечном счете оказалась пирровой. Расширение НАТО и пренебрежение российскими интересами не только привели к широкой дестабилизации в Евразии, но и способствовали пробуждению самосознания правящего класса и общества России в целом.

Курс президента В.В. Путина на возрождение мирового престижа России как великой державы является комплексным — этот момент часто упускают комментаторы и эксперты.

Речь идет не только о дипломатии и сфере военного строительства. Усиление внешнеполитических позиций должно иметь эффект мультипликатора — «подтянуть» за собой все другие сферы общественной жизни.

Консолидация общества, которая возникла в результате украинского кризиса, является важным ресурсом, без которого невозможно ни экономическое, ни социальное, ни культурное преобразование страны. С цивилизационной точки зрения, российский проект развития не имеет альтернативы: ни один другой дееспособный актор в Евразии не имеет достаточного исторического, цивилизационного и военно-полити-

ческого ресурса для того, чтобы сформулировать его. Остро стоит вопрос закрепления внешнеполитических достижений России. Нехватка экономического фундамента новой глобальной конструкции, создаваемой Москвой, является объективным обстоятельством. Во многом именно на это рассчитывают те западные политики, которые активно лоббируют антироссийские санкции. Отсюда возникает важнейший вызов для современной российской внешней политики.

Потенциально есть три пути реагирования на него. Один из них Москва уже выбрала. Речь идет о социально-экономической интеграции на постсоветском пространстве. Евразийский союз должен превратиться в полноценный экономический центр Евразии с населением более 200 млн человек, перспективную площадку для неоиндустриализации России и близлежащих стран²⁷. Важным преимуществом Евразийского союза является то, что он, в отличие от ЕС, не является «бюрократической империей»²⁸. Это делает его гибким не только внутри, но и в отношениях с внешними игроками.

«Сопряжение» евразийского проекта с другими интеграционными объединениями является второй потенциальной опцией для России. На первый план здесь выходят блоки с участием Китая — БРИКС и Шанхайская организация сотрудничества (ШОС). О БРИКС в последние годы говорится много. Основная цель, объединяющая страны — члены БРИКС, — реформирование глобальной финансовой системы в пользу тех стран, которые до сих пор ничего не выигрывали от ее существования. Речь идет о снижении доминирования Соединенных Штатов и их союзников в МВФ и в глобально-финансовой системе. Кроме того, предполагается формирование таких инструментов, которые будут способствовать снижению рисков, являющихся следствием нестабильности международной экономической конъюнктуры. В более конкретном виде речь может идти о диверсификации внешнеэкономических связей стран БРИКС.

Третий подход подразумевает замену положений «вашингтонского консенсуса» «пекинским», который может предложить миру новые идеалы: инклюзивный экономический рост, экономическое развитие при неприкосновенности суверенитета, стремление к инновациям и экспериментам (специальные экономические зоны), накопление инструментов асимметричной силы (триллионные валютные резервы).

²⁷ Якунин В.И. Транс-Евразийский пояс «RAZVITIE» станет базой для формирования новой парадигмы глобального экономического развития. URL: <http://eurasian-center.ru/perspective/20140421/1003391303.html>

²⁸ Глазев С.Ю. У нас есть шанс стать равноправным участником ядра нового центра глобального экономического развития. URL: http://www.glazev.ru/sodr_eep/434/

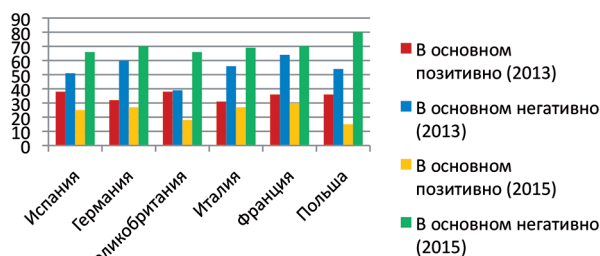
Альтернативной «рамкой» для сопряжения может являться ШОС. Несмотря на молодой возраст, ШОС из когда-то консультативной структуры постепенно преобразовалась в региональную международную организацию и взяла на себя функции гаранта мира и стабильного развития и в Центральной Азии, и в Азиатско-Тихоокеанском регионе. При этом страны — участницы ШОС развивают тесное торговое и экономическое сотрудничество. Речь идет о необходимости создания таких совместных финансовых институтов, как Банк развития и Фонд развития ШОС. Поскольку с момента создания ШОС (2001 г.) к концу 2014 г. товарооборот между членами организации увеличился шестикратно, в повестке дня ШОС на первый план вышли экономические проекты.

А тот факт, что за это время Пекин выделил странам — членам ШОС банковские кредиты в общей сложности на сумму 60 млрд долларов, подразумевает необходимость претворения в жизнь разносторонних механизмов в области инвестиций²⁹.

Однако у России остается еще одна опция. Губительные последствия современного политического кризиса для европейских государств становятся все более очевидными. В Европе поднимается массовое движение, которые мы определяем как «новых европейцев». Речь идет о миллионах рядовых жителей стран ЕС и представителях общественно-политической элиты, которые недовольны доминированием атлантизма во внешней и внутренней политике европейских государств и склонны к восстановлению отношений с Россией в качестве ключевого партнера. Удельный вес этой части общественного мнения достаточно велик и стабилен.

На него слабо влияет конъюнктура и метания средств массовой информации (см. *график 7*).

График 7
Как вы относитесь к России?, в %

Источник: Pew Research Center, September 2013 — August 2015.

²⁹ См.: Хас К. ШОС на пороге новых решений: quo vadis? URL: <http://inosmi.ru/world/20150323/227053416.html>

Точку зрения этой силы сегодня в Европе в первую очередь выражают правые и крайне правые партии, которые, как правило, считаются не-системными, однако в последнее время они получили серьезную массовую поддержку.

Европа не монолитна. Однако тот факт, что здесь уже вполне сложилась значительная прослойка, которая отходит от «железобетонного» атлантизма, неоспорим. Показательно, что многие ее представители относятся к среднему и крупному бизнесу. Это именно те люди, которые опасаются, что соглашение о трансатлантической зоне торговли, очередной виток глобализации по-американски, нанесет Старому Свету удар, от которого ему будет трудно оправиться. Российско-европейский блок мог бы стать дееспособным геополитическим образованием, где Москва обеспечивала бы политическую составляющую (которой остро не хватает Европе), а Европа — экономическую (слабое место России).

Основные выводы

Современный мир — это бесконечно сложный организм, которым нельзя управлять из одного «офиса», даже если этот «офис» — Вашингтон. Такие попытки предпринимались, предпринимаются и, вероятно, будут предприниматься, однако они обречены на неудачу. Основная причина их неизбежного провала — сама человеческая природа, наличие «человеческого в человеке», того, что нельзя просчитать и запрограммировать, несмотря на доступность самой современной техники.

Эта реальность является, если угодно, ядром антитеории заговора — «заговоры» всегда будут составлять, но их историческое поражение предопределено. Провал последней попытки уже очевиден. Современная парадигма однополярного мира — с подавляющим доминированием одного полюса и его эксклюзивности — со всей очевидностью терпит крах. Спроектированные в ее рамках институты глобального управления уже не могут эффективно справляться с поставленными

перед ними задачами. В политической сфере это проявилось в форме агрессивной и насильственной экспансии либерально-демократической модели, в принципе являющейся внеисторичной и оторванной от характерных особенностей развития каждого конкретного государства, региона или цивилизации.

Все эти явления стали причиной существенного роста конфликтного потенциала в современных международных отношениях. *Идеология противоборства социализма и капитализма, модернизированная после развала СССР в идею защиты от «терроризма», «агрессивности», «путинского режима» в сфере политики, а в сфере экономики — в систему, основанную на презумпции неизбывной мощности экономики США и их безусловного права господствовать в глобальном мире, себя исчерпала. Эти базовые концепции и привели к дестабилизации общей мировой ситуации и, как следствие, к неустойчивости политических систем.*

Есть два варианта дальнейшего развития событий: либо глобальная солидарность, отказ от гегемонистских устремлений, от однополярного доминирования, солидарное интегральное развитие, либо верное падение в пучину всеобщего коллапса. Только первый вариант дает перспективу мирного преодоления разворачивающегося кризиса глобальной политической системы.

Мир может быть многообразным, состоящим из нескольких центров роста, множественным, многоукладным, транстерриториальным, с высокой степенью географической локализации стран, не обязательно находящихся в трансграничном соединении. Мы говорим о новом мире, где будет разорван порочный круг перехода политического кризиса в экономический и обратно. Плоская модель «экономика и политика», вне зависимости от перестановки слагаемых, недостаточна. Нужен ее многомерный вариант, где помимо экономики и политики будет учтен фактор «человеческого в человеке». Только так мы сможем приблизить момент наступления стабильного мирового порядка.